

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. Б. Маркарян, Э. В. Молодякова
НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК БОН У ЯПОНЦЕВ

Кульτ предков — широко распространенное стадияльное явление культуры. Отмечать День памяти умерших — обычай универсальный. Он входит в число наиболее распространенных почти у всех народов, на какой бы ступени развития они ни находились. Истоком такого отношения к памяти ушедших является потребность подтвердить ценность человеческого бытия, стремление продлить его за пределы земной жизни. Отсюда большое количество мифов, верований, возникновение понятия бессмертия, вечной жизни, возрождения в новых формах и т. д., а также вера в существование мира духов. Этот мир создавался в их сознании по образцу реального и воспринимался как находящийся с ним в определенных, подчас весьма сложных, взаимоотношениях. Считалось, что духи предков могут как помочь своим потомкам, так и навлечь беду.

В Японии почитание умерших занимало значительное место в религиозных верованиях и оказывало большое влияние на формирование культурной жизни общества. Это связано с тем, что в основе японской национальной религии синто лежит обращение к природе и сонму предков, присутствие которых якобы ощущается в реальном мире.

В Японии в древности существовал обычай молиться о душах предков круглый год, поскольку, согласно поверьям, души умерших становились богами — *ками*, а богам поклоняются весь год. Существовал ритуал моления на могильных курганах. Позже на этих курганах стали возводить синтоистские храмы и кумирни, где и совершался обряд моления. Например, в г. Киото на месте трех могильных курганов на горе Инари было воздвигнуто святилище Инари-дзиндзя. Бог, которому молились в этом храме, позже стал богом риса.

С почитанием душ ушедших в Японии связано много праздников и большая обрядность. Это и Новый год, и Хиган (Дни весеннего и осеннего равноденствия). Кроме того, считалось, что в дни, когда лето должно смениться осенью, обращение с молитвой к душам умерших, сможет защитить уже созревающий урожай от различных стихийных бедствий. Таким образом, и зимой, и летом люди молились одним и тем же богам, прося у них обильного урожая.

После проникновения в Японию буддизма в VI в. японский обычай почитания душ предков соединился с богатой буддийской обрядностью праздника Улламбхана (дословный перевод с санскритского — «переправа, переход»). По-японски это понятие звучало как «урабон», и День поминания предков получил название *Урабон-э*, или сокращенно *Бон*. Буддизм был воспринят древними японцами не как абсолютно чуждый их религиозным верованиям. Более того, он дополнил местные культы рядом новых этических понятий. На этой основе и возник синто-буддийский синкретизм.

Происхождение Улламбхана в Индии связывают с легендой. Одному человеку захотелось узнать, как живет его мать в стране мертвых, и ему

явилось видение в образе матери, страдающей от голода в загробном мире. Он приготовил для нее огромную чашу еды, но, как только мать приближалась к ней, чаша наполнялась огнем. Преданный сын обратился за помощью к буддийскому священнику, который объяснил, что мать наказана за грехи, совершенные в земной жизни, и спасти ее может только милосердие Будды. Сын призвал буддийских священников и на 15-й день 7-го месяца по лунному календарю отслужил богатую заупокойную службу. Мать была спасена. Отсюда якобы и пошла традиция в этот день возносить молитвы душам умерших¹.

Первоначально это касалось только душ близких родственников, а затем и всех умерших. В Индии существовало поверье, что если усердно возносить молитвы душам усопших, поклоняться им, умиротворять их, то они не придут из мира мертвых за живыми. Обряд Улламбхана совершался обычно летом, так как именно в жаркое время года возникали эпидемии, а значит, повышалась и смертность.

В письменных японских источниках, например в «Нихонги», первое упоминание обрядности, связанной с Днем поминовения усопших, относится к 606 г. Официально считается, что эти обряды появились в третий год правления императрицы-регентши Саймё в 657 г. С 15-го года эпохи Тэмпе, т. е. с 733 г., их начали соблюдать ежегодно в кругу аристократов². Затем, по мере распространения буддизма, эта обрядность стала популярной и среди других слоев населения, приобретая черты, свойственные обычным религиозным праздникам.

Определенное влияние на укоренение у японцев культа предков оказало и конфуцианство, в котором этот культ составлял основное содержание. Японцы, воспитанные в духе синто, органично восприняли положения конфуцианства о том, что главнейшая обязанность человека — это сыновья почтительность и почитание предков, в том числе предков императора, что впоследствии стало основой государственного синто.

Обрядность праздника Бон определяется тем, что японцы в старину имели две могилы — телесную и духовную, хотя в прямом смысле телесной могилы в далеком прошлом вообще не было. Существовал обычай уносить умерших в горы и далеко в долины и там оставлять их. Это были так называемые горные могилы или могилы брошенных (*яма-хака* или *сутэхака*, *яма* — «гора», *хака* — «могила», *сутэ* — от слова «бросать»). Эти места назывались «долинами ада», даже если они располагались в горах. Память о них жива до сих пор. В Киото место таких захоронений находится к югу от храма Киёмидзу и называется Торибэнно; в горном районе Сага (в окрестностях Киото) место захоронения известно под названием Адаино³.

Эти «долины ада» с ужасающими натуралистическими подробностями описаны в новелле «Сказ о горе Нараяма» японского писателя Фукудзава Ситиро (род. в 1914 г.). Сюжет новеллы основан на древнем японском обычае уносить в горы не только умерших, но и еще живых стариков, ставших обузой в бедняцких семьях. На горе обитал дух-покровитель деревни, который и встречал души этих людей. «На горе Нараяма живет бог. Ни одна душа в деревне не сомневалась, что те, кто ушел на гору, его видели... Вот и сама вершина... под скалой съездившись сидел покойник. Ладони сложены вместе — будто в молитве... Снова увидел скалу — под ней белели кости. Ноги лежали вместе, а голова валялась рядом, повернутая в противоположную сторону. У скалы сидел, скрючившись, скелет. Руки его валялись отдельно от костяка. Казалось: кто-то их нарочно разбросал... Под каждой скалой был покойник. Попадались трупы и под деревьями. Некоторые были недавними и казались еще живыми людьми»⁴.

¹ *Хигути Киёюки*. Мацури то нихондзин (Праздники и японцы). Токио, 1978. С. 107—108 (на яп. яз.).

² Нихон фудзоку си дзитэн (Энциклопедия японских обычаев). Токио, 1979. С. 48 (на яп. яз.).

³ *Хигути Киёюки*. Указ. раб. С. 110.

⁴ Современная японская новелла. 1945—1978. М., 1980. С. 161, 184.

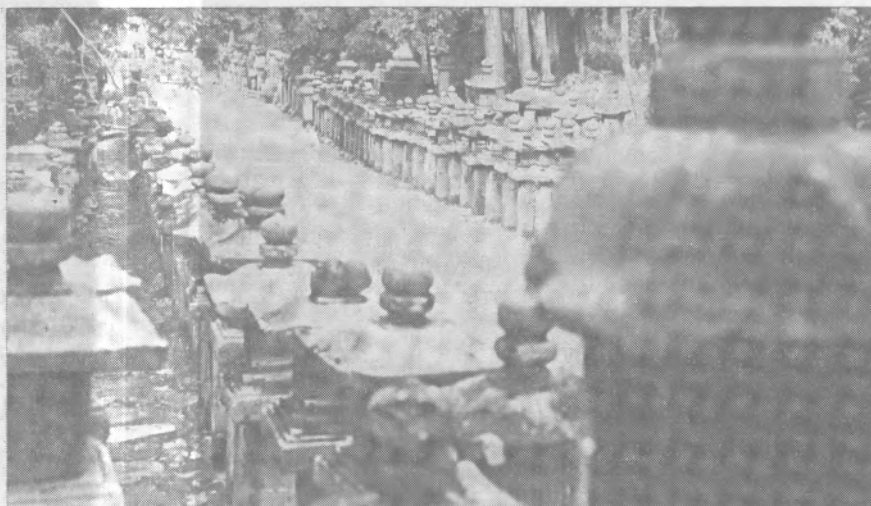

Рис. 1. Аллея каменных фонарей перед буддийским храмом

В начале VIII в. Кодекс Тайхорё упорядочил обряд захоронения. Согласно Кодексу, все население было разделено на категории, и лишь лица определенного ранга имели право на могилу. Простых людей по-прежнему бросали в горах. Кладбища для высокопоставленных устраивались на территории буддийских храмов. С 40-х — начала 60-х годов VII в. специальным указом было запрещено сооружение могильных курганов и вводилось новое буддийское правило погребения — трупосожжение с последующим захоронением⁵.

Что касается духовных могил — *орогами-хака* (орогаму — «молиться»), то они вначале представляли собой либо столб из цельного дерева, либо каменный фонарь, которые ставили во дворе каждого дома как знак памяти об ушедших предках, как место для возвращения душ усопших к ныне здравствующим потомкам. Постепенно духовные могилы со двора перекочевывали вовнутрь дома в виде буддийских поминальных табличек — *ихай*, по форме напоминавших надгробную стеллу. Эти таблички в отличие от столбов и фонарей были именными. Они считались священными реликвиями, поэтому во время пожара или других стихийных бедствий, когда люди спешно покидали жилища, они брали с собой ихай: было бы ужасно, если бы сгорело то обиталище души умершего, куда она нисходит, чтобы получить знаки внимания от близких. Каменные же фонари богатые семьи начали устанавливать вблизи храмов. И по сей день дорога к ним представляет собой аллею этих каменных фонарей (рис. 1).

Вера в возвращение душ умерших предков туда, где они раньше жили, — элемент синтоизма. Считается, что в день Бон семью посещает семь поколений предков. Это свидетельство органичного соединения в этом празднике буддийских, конфуцианских и синтоистских обычаев. Известный японский историк Иэнага Сабуро пишет: «...церемония праздника Обон, когда, как считается, души предков выходят из могил и возвращаются домой, совершенно не поддается объяснению, с точки зрения догматов буддизма, отрицающего бессмертие души. Это явно обряд национальной религии, облаченный в буддийские одежды»⁶.

Так как душа умершего обитала в горной долине, где находилось и его тело, то первоначально во время праздника Бон шли молиться в горы, чтобы пригласить ее домой. В горах около сутэхака зажигали курительные палочки. Зажженный от них факел приносили домой и укрепляли его у входа для встречи душ предков. Считалось, что вместе с ним, т. е. с огнем, в дом входили души ушедших. Слово «огонь» по

⁵ Иофан Н. А. Культура древней Японии. М., 1974. С. 95.

⁶ Иэнага Сабуро. История японской культуры. М., 1972. С. 39.

звучанию является частью слова «душа» (*хи* — «огонь», а *тамасихи* — «душа»). Поэтому огонь считался символом души.

С течением времени Урабон теряет свое сугубо религиозное значение, как и многие другие праздники, но сохраняет популярность у народа. Сохраняет потому, что даже те, кто отказался от религиозного мировоззрения и веры в существование загробного мира, продолжают чтить память умерших. Это почитание далеко выходит за пределы узко родственных отношений, распространяясь на всю историческую общность. Поэтому и в наше время День поминовения умерших сохраняет многие древние обрядовые элементы. Детали его проведения разнятся в зависимости от места, но общие черты везде одинаковы. С этнографической точки зрения Бон наиболее интересен в отдаленных районах страны, но много любопытного можно увидеть и в таких больших городах, как Киото и даже Токио.

Бон отмечается в течение нескольких дней; в одних районах Японии — в середине июля (обычно с 13 по 15), в других — в середине августа (13—16), что было обусловлено большей или меньшей сезонной занятостью населения в тех или иных районах страны.

Хотя Бон — День поминовения ушедших, и, казалось бы, день грустный, отмечается он весело, красочно и шумно. По замечанию Катаяма Сэн (основателя Коммунистической партии Японии, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения), «это веселый народный праздник. Царит атмосфера легкой шутки, меткой остроты»⁷.

Эту же специфику проведения Дня поминовения в Японии подметил и немецкий писатель Э. Гессе-Вартег, который посетил страну в конце XIX в. Он был очевидцем обряда посещения семейных могил в дни Бона. «В этой жизнерадостной толпе, — свидетельствует писатель, — не заметно было ни благоговения, ни страха к этому месту успокоения близких. Смеясь и весело болтая, бродили они там, заменяя кое-где увядшие цветы свежими, привязывали пестрые фонарики к шестам или ставили масляные лампочки на надгробные плиты...»⁸. Дело в том, что, согласно поверьям, в эти дни души умерших посещают свои дома и семьи во многих поколениях как бы «воссоединяются». Поэтому-то Бон и воспринимается как праздник, до сих пор пользующийся популярностью среди населения и поддержкой правящих кругов страны. Он всегда выполнял функцию социализации населения как на микроуровне семьи, так и на макроуровне — сплочения нации. В период Токугава (1603—1867 гг.) для укрепления семейных уз (*иэ*), основной ячейки общества, а в целом для укрепления всей иерархии общества подмастерьям на фабриках, служанкам в домах и магазинах в день Урабон начали разрешать так же, как и в праздник Ябуири (единственный отпускной день для прислуги и подмастерьев, 15-го числа 1-го месяца), возвращаться к родителям. В период Мэйдзи (1868—1911 гг.) был отменен этот праздник как выходной день. Несмотря на это, Бон продолжал оставаться, по словам основателя японской этнографической науки Янагида Кунио, наиболее важным ежегодным праздником после новогодних торжеств⁹, так как выполнял важную функцию социализации общества. Таким он остается и в наши дни.

В настоящее время рабочим часто дают в последний день праздника выходной, а многие приурочивают к этим дням свои отпуска, чтобы посетить родные места и пообщаться как с душами своих предков, так и с живыми родственниками. Дети в это время обычно не посещают школу. К этим дням, как и под Новый год, рабочим и служащим выплачивают премиальные, так называемые *бонусы*. Друзья и родственники обмениваются подарками.

⁷ Сэн Катаяма. Воспоминания. М., 1964. С. 78.

⁸ Гессе-Вартег Э. Япония и японцы. Жизнь и нравы современной Японии. СПб., 1904. С. 190.

⁹ Yanagida Kunio. Japanese Manners and Customs in the Meiji Era. Tokyo, 1957. P. 271.

В дни Бон вся Япония приходит в движение. Все виды транспорта работают с перегрузкой, перевозя по меньшей мере двойное число пассажиров. В 1985 г. на дальние расстояния было перевезено только железнодорожным транспортом около 3,6 млн. человек, половину из которых составляли жители Токио. Поэтому в это время опустевают не только деловые кварталы столицы, такие, как Маруноути или Отэмати, но и жилые районы, и на работу можно доехать за 20—30 минут вместо обычных 50. В то же время, например, на одном из островов архипелага Окинава, где постоянно проживают четыре человека, во время Бон население увеличивается до 300 человек. Праздник Бон широко освещается средствами массовой информации: газетами, журналами, телевидением, рекламой, радио. В дни праздника, начиная передачу новостей по радио или телевидению, диктор обязательно упомянет, что сейчас жители того или иного района страны отмечают Бон. Передача, посвященная ритуалу зажигания прощальных огней вокруг Киото в последний день Бон, длится по телевидению не менее часа¹⁰.

Накануне Бон повсеместно устраивают специальные ярмарки — *бон-ити* (ярмарка для праздника Бон) или *куса-ити* (травяной рынок), где можно купить все, что необходимо для соблюдения ритуала праздника: украшения для дома и кладбищ, специальную пищу.

В первую очередь посещают кладбища и приводят в порядок семейные могилы, их украшают ветками священных, по синтоистской религии, деревьев *сакаки* (клеера японская) и *коямаки* (зонтичная сосна); эти деревья произрастают только в Японии. На могилы кладут также *моти* (рисовые лепешки), фрукты и курительные палочки.

Готовятся к празднику и в домах. Комнаты тщательно убираются. В главной комнате перед домашним буддийским алтарем (*буцудан*) расстилается небольшая циновка (*макомо*), сплетенная из сухого тростника; на нее кладут поминальные таблички с именами умерших (считается, что каждая ихай как бы оживает на время возвращения души). Вокруг размещают украшения; все это место огораживается миннатурной загородочкой. Там же, на алтаре, для душ умерших ставят и специальную пищу, что связано с легендой о верном сыне, который спас мать от голодной смерти в загробном мире. Обычно это блюда, которые любили покойные. Среди них может быть картофель с кунжутным семенем, моти, баклажаны, арбузы, тыква, сладости, фрукты, т. е., как говорили в старину, «100 сортов пищи и 5 сортов плодов». В последний день Бон готовят так называемые прощальные *данго* — клецки якобы для поддержания сил душ предков перед возвращением в загробный мир. Специальные угощения предназначены для гостей и друзей. Вместе с буддизмом в Японию пришел и ряд ограничений в отношении еды. Поэтому в период этого синто-буддийского праздника до сих пор многие не потребляют мяса и рыбы и вообще стараются есть поменьше. Сложная подготовка к празднованию Бон в наши дни соблюдается лишь немногими.

Неотъемлемой частью обрядности Бон является большое число фонарей. Отсюда еще одно его название — Праздник фонарей. Фонари различной формы изготавливаются из белой бумаги. Особенно изящны и красивы те, которые сделаны специально для праздника. Бумагой прикрывают и отверстия каменных фонарей, установленных на подступах к храмам.

В ночь накануне Бон собираются все члены семьи и с зажженными фонарями идут на кладбище. Эти фонари призваны осветить душам умерших путь домой. Зажженные фонарики оставляют на могилах. В сельских местностях, особенно в горных районах, на кладбища идут, как и в старину, с березовыми факелами. Фонари горят и перед входом в дома, как бы приветствуя пришедших. Гирляндами разнообразных фонарей украшаются улицы и парки больших городов. Глава дома зажигает огонь перед поминальными табличками и обращается к душам так, как если бы это были живые люди.

¹⁰ The Daily Yomiuri. 11.08.1985.

В последний день Бон снова повсюду загораются фонари, чтобы осветить душам умерших путь назад. Они играют роль маленьких маяков. Иногда вешают зажженный большой фонарь на высокую сосну — *мацуагэ* (*мацу* — «сосна», *агэ* — «подъем»); иногда на улицах зажигают большие факелы.

Особенно интересен обряд спуска на воду маленьких квадратных бумажных фонариков на деревянных подставках, похожих на лодки. Внутри каждого фонарика помещается небольшая свеча, освещающая напечатанную с одной стороны идеограмму, означающую «молиться за мириады душ в другом мире». Для того чтобы сделать такой плавающий фонарик более «личным», некоторые пишут на нем имена своих ушедших близких либо сами, либо просят об этом священника. Затем лодочки благоговейно спускают в темную, молчаливую воду.

Подобная церемония совершается везде, где есть вода: на реках, прудах, озерах и даже в море. Она жива и поныне. Вот как описывает японский писатель Окумура Тэцуюки этот обряд в г. Хиросима в новелле «Павшие зывают»: «В Парке мира, куда они ходили вечером, мать купила несколько бумажных фонариков и деревянных лодочек, в каждом фонарике зажгла по свече и пустила их плыть по реке, а сама вся как-то сжалась и молитвенно сложила руки. Другие люди делали то же самое, и вся река была в призрачном свете плывущих по ней фонариков»¹¹.

Этот ритуал носит название *торонагаси* (*торо* — «фонарь», *нагасу* — «нести течением»). Этот обычай, возможно, связан с тем, что в ряде мест, как, например, в г. Миядзу на побережье Японского моря (префектура Киото), где его соблюдают, считают, что души умерших уходят не в горы, а в море и приходят оттуда же. В Токио, при храме Каннон в Асакуса, *торонагаси* совершают, чтобы успокоить души тех, кто погиб на воде. Существует также обычай бросать в воду вслед уходящим душам умерших баклажаны, дыни, арбузы, чтобы они имели возможность «подкрепиться» на обратном пути.

Как варианты прощальных огней (*окуриби*, *окуру* — «проводить», *хи* — «огонь») особой популярностью пользуются костры, зажигаемые на склонах гор. В старину это делалось вблизи могил предков. Обычно собирались все жители селения, шли вместе в горы и жгли костры. В настоящее время в период Бон костры жгут, как и раньше, во многих местах, но наиболее впечатляющее зрелище — на горах вокруг Киото, который расположен в котловине. Этот обычай, по преданию, ведет свое начало еще с периода Муромати (1392—1573 гг.), но в письменных источниках (в хронике храма Кинкакудзи, в частности), впервые упоминается лишь с 1637 г.

В настоящее время Киото во время праздника называют городом пяти сверкающих гор, так как в последний день Бон на склонах пяти гор, окружающих город, загораются *окуриби*. Их называют также *даймондзи* («большие иероглифы»), так как костры разложены большей частью в форме иероглифов. Все подготовительные работы для *окуриби* проводятся под руководством опытных людей, которые не один год занимаются этим делом. Это специалисты, тщательно изучавшие старинные рукописи, рисунки, карты города с указанием, где и как в старину зажигали прощальные огни Бон. Линии иероглифов складываются из большого числа костров, каждый из которых по своей форме напоминает большой шалаш, высотой до 1,5 м. Костры составлены из вязанок дров и соломы, укрепленных на специальных подставках. Их приносят в горы заблаговременно и раскладывают в определенном порядке (рис. 2). Таких вязанок требуется очень много, так как иероглифы действительно очень большие. Например, там, где иероглиф *дай* («большой») — это на склоне Нёигадакэ горы Хигасияма, раскладывают 75 костров. Между кострами оставляют довольно значительное расстояние. Длина горизонтальной линии иероглифа — 70 м, левой пересекающей — 155 м, правой — 124 м. Именно с этого иероглифа началась традиция

¹¹ Современная японская новелла. 1945—1978. С. 688.

Рис. 2. Даймонджи

окуриби на горах. В период Камакура (1185—1382 гг.) появился еще один иероглиф — *мё* (дословно — «чудо»), который начали зажигать на склоне Мацугасаки горы Нисияма. В период Эдо или период Токугава к нему добавили иероглиф *хо* («закон»), и вместе они составили понятие «великое учение Будды». С XVIII в. начали раскладывать костры в форме лодки на горе Мёкэн около храма Нисигамо. Для костров в храме Кинкакудзи заготавливают специальные дощечки, на которых пишут пожелания душам предков. Кроме того, около этого храма зажигают иероглиф «левый», а на горе Атаго в районе Сага костры разложены в форме тории (ворота перед синтоистским храмом — рис. 3).

Перед тем как начинается церемония зажигания костров, городские огни притушивают и город окутывает темнота. По сигналу — удару колокола — люди в праздничных одеждах с изображением иероглифа, который они будут зажигать, подносят к вязанкам дров факелы. Костры вспыхивают один за другим. В это время священнослужители в храмах бьют в гонги и читают сутры. То там, то здесь раздаются удары барабанов. Такое море огня довольно-таки опасно, поэтому за кострами тщательно наблюдают во избежание пожаров.

Раньше все пять сверкающих изображений можно было видеть отовсюду, сейчас же — только с двух позиций. В этот праздничный вечер практически весь Киото и его многочисленные гости выходят на улицу и собираются в тех местах, откуда лучше видны горящие иероглифы. Детей поднимают на плечи. Многие забираются на крыши домов и деревьев. Атмосфера повсюду приподнятая. Костры горят около часа. Завершается церемония пуском фонариков по воде.

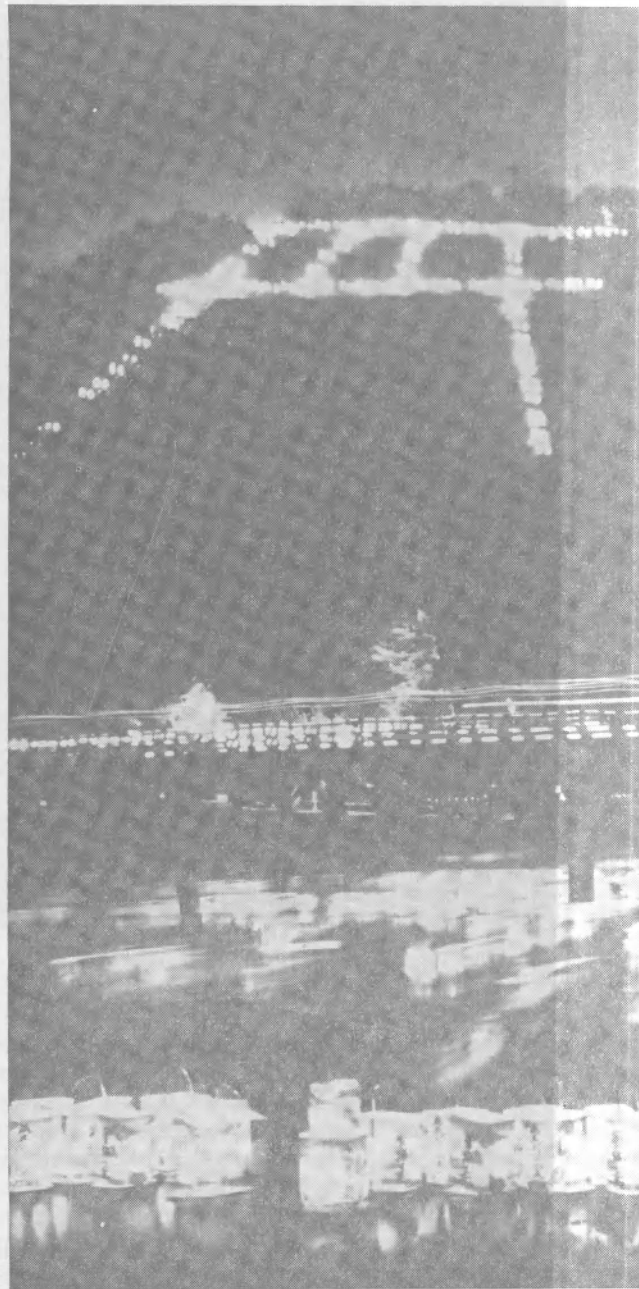

Рис. 3. Вверху — прощальные огни Бона в форме ворот синтоистского храма; внизу — зажженные фонарики на воде

Это Бон в большом городе. А вот как отмечают этот праздник в одной из горных деревень префектуры Ниигата. Здесь, где обычно очень тихо и безлюдно, в эти дни население чуть ли не удваивается. Возле домов стоят автомашины с городскими номерами, а из окон доносятся голоса и смех: это возвратились домой на короткий срок те, кто работает в городе на отхожих промыслах, а также дети и внуки, уже давно покинувшие деревню и приехавшие теперь в родные пенаты. Могилы убраны и украшены цветами, как того требует ритуал. Повсюду поднимаются дымки курений.

Вечерами жители собираются группами во дворе храма или на школьном дворе. Кто танцует, кто смотрит представление, которые

устраивают при местных храмах, кто участвует в разнообразных играх и аттракционах. Например, мужчины весело соревнуются в определении на вкус шести сортов сакэ, так как этикетки на бутылках закрыты. Победивший получает приз. Проводятся также соревнования — кто лучше разрежет арбуз и пр. У всех хорошее настроение, люди с удовольствием на несколько этих дней забывают тяготы повседневной жизни¹².

Важнейший компонент праздника, ставший самостоятельным культурно-историческим явлением — танцы *бон-одори*. Первоначально этими танцами стремились ублажить души предков. Считалось также, что души умерших, приходя домой из загробного мира, хотели поблагодарить Будду за благополучное возвращение. Но поскольку мертвые не могли благодарить сами, вместо них это делали родственники.

Они обращались к великому Будде со словами: «Нама амида буцу» или «Нама сьяка муни буцу» в зависимости от принадлежности к разным сектам, что означало «О, Амида Будда», или «О, Сакья Муни». Одновременно они звонили в колокол, ударяли в барабаны и кружились на месте. Так было еще в эпоху позднего Хэйана (866—1185 гг.).

Вскоре появилась еще одна немаловажная цель танцев: в них выражалось уважение к труду и просьба к обожествленным предкам ниспослать хороший урожай. Эти ежегодные танцы сплачивали всех участвующих, говорили о надежде людей на спокойную, радостную жизнь, мирные отношения в обществе, на то, чтобы не прерывалась связь веков.

Эти танцы были проникнуты также присущим японцам чувством некоторого сожаления о быстротечности жизни и уходящем времени года, в данном случае лета. Это были вначале сугубо ритуальные танцы. С течением времени фигуры танца усложнялись. Люди образовывали круг, в центре которого находился «дирижер», задававший темп исполнения ударом колокола и барабана. Затем танцы стали сопровождаться пением. Это действо обращения к Будде во время праздника Бон послужило началом возникновения бон-одори, в которых рисунок танца, потеряв первоначальное ритуальное значение, трансформировался в народный танец, отражавший специфику того или иного района страны. Это произошло на рубеже XIV—XV вв.

«Особое веселье придавал празднику массовый танец бон-одори, — свидетельствует Катаяма Сэн. — Молодые мужчины и женщины плясали до потери сознания... Бон-одори служил поводом для молодежи предаваться свободной любви. Это было освящено обычаем и вовсе не означало падения нравов. Организацию праздника брали на себя буддийские и синтоистские храмы, а иногда частные лица. Во время танца обязательно выступал специальный запевала, который давал танцу ритм. Слова для пения брались из популярных произведений... Крестьяне любили их слушать. Запевала обладал тенором или баритоном, всегда мягкого красивого тембра. Это была истинно народная музыка, очень популярная среди крестьян. Искусный запевала неутомим на выдумку. Танцующая молодежь загадывает загадки в форме песен, а он тут же импровизирует песню-отгадку. Запевала остроумен, смешит всех. Благодаря ему танец так и искрится весельем»¹³.

Рис. 4. Нисимонаи бон-одори

¹² Норин токэй тэса. 1986. № 8. С. 64 (на яп. яз.).

¹³ Сэн Катаяма. Указ. раб. С. 78.

В настоящее время бон-одори — и массовый танец для всех желающих, и представление коллективов художественной самодеятельности, подготовленное высококвалифицированными профессионалами — знатоками этого вида искусства.

Бон-одори — ритмический танец. Исполнители то принимают изящные позы наподобие живых статуй, то раскачиваются в такт, то кружатся во все убыстряющемся темпе, прихлопывая в ладоши (рис. 4). Танцы сопровождаются пением, ударами барабана и игрой на национальных инструментах. Песни и танцы продолжаются непрерывно. Певцы и танцоры поистине неустомимы. Во время праздника танцуют все и повсюду: молодые и старые, мужчины и женщины, родители и дети; на площадках перед буддийскими и синтоистскими храмами, на площадях, улицах, в парках, на берегу моря и т. п. Особенно интересно наблюдать бон-одори в сельской местности¹⁴.

Большой популярностью пользуются так называемые *Нисимонаи бон-одори* — танцы во время праздника Бон в городе Нисимонаи префектуры Акита. Они представляют собой подлинную жемчужину народного творчества. Некоторые этнографы относят появление бон-одори в этой местности к концу XV в., другие считают, что танцы вышли за пределы храма только в XVII—XVIII вв. В то время они исполнялись ежегодно в течение пяти дней с 16-го по 20-е число 8-го месяца и выражали моление об обильном урожае.

На протяжении своей по крайней мере 300-летней истории Нисимонаи бон-одори встречали как поддержку, так и противодействие со стороны власти имущих. В период Тайсё (1912—1924 гг.) власти не только не поощряли исполнение бон-одори, но и пытались их запретить под предлогом того, что они «портят нравы». Истинной же целью запрета было стремление, чтобы горожане поменьше общались между собой. Такая политика встретила внутреннее сопротивление жителей города, которые не могли допустить, чтобы была разрушена многовековая традиция исполнения бон-одори. Некоторые из состоятельных горожан делали пожертвования для сохранения и развития этого вида народного творчества. Благодаря усилиям энтузиастов, различных молодежных и женских организаций города традиция исполнения Нисимонаи бон-одори была сохранена и в неизменном виде существует по сей день.

В 1973 г. специальный комитет, состоящий из знатоков этого вида искусства и ученых-искусствоведов, составил подробную запись порядка исполнения танцев, музыки, костюмов, слов песен и пр. Был снят специальный фильм. В 1981 г. эти танцы были возведены в ранг «государственных духовных национальных ценностей» на основе Закона об охране культурных ценностей 1950 г.

В настоящее время представления бон-одори в Нисимонаи проходят в течение двух дней — 16 и 17 августа, привлекая не только жителей города и его окрестностей, но также знатоков и ценителей народного танца со всех концов страны. В эти дни трудно устроиться не только в городских, но и в пригородных гостиницах. Многие приезжают сюда еще за несколько дней до начала праздника для того, чтобы в течение трех дней под руководством опытных педагогов приобрести хотя бы минимальные навыки в исполнении Нисимонаи бон-одори. Занятия проводятся в городском центре культуры.

Все принимающие участие в праздничных танцах должны быть в одинаковых одеждах. У основной массы это легкие хлопчатобумажные кимоно — *юката* из ткани со специальным рисунком, обязательно изображающим растение фуки — подбел японский. Такое юката называется *одори-юката*. Оно шьется или покупается специально для исполнения Нисимонаи бон-одори. В какой-то степени это униформа. На некоторых исполнителях одеты *хануи* — старинная нарядная одежда покроя кимоно из шелка со сложным рисунком, составленным из нескольких орнаментов. Ее шили еще во времена Эдо и Мэйдзи специально для исполнения

¹⁴ Хигути Кийёюки. Указ. раб. С. 113—117; We Japanese. Tokyo. 1950. P. 61, 521.

бон-одори. Сегодня сохранилось не так уже много таких хануи. Заново их не шьют, так как это очень сложная и трудоемкая работа. Те, кто хочет одеть на праздник хануи, должны приложить немало усилий, чтобы разыскать их у старых владельцев¹⁵.

Головные уборы танцующих бывают нескольких видов. Самые экзотические — это так называемые *хикоса дзукин* — накидка из черной ткани с узкими прорезями для глаз. В старину для его изготовления использовались лен или хлопок, сейчас — нейлон или шелк. Хикоса накинута на голову таким образом, что свисает на лицо и на затылок. Его длина спереди — 85 см, сзади — 69 см, ширина — 31 см. Для того чтобы хикоса удержался на голове, сверху надевают *хатимаки* (полотенце, которым повязывают голову во время работы, чтобы пот не капал на глаза). Кстати сказать, у детей хатимаки — это ритуальный головной убор, надеваемый во время бон-одори. Как возник этот своеобразный головной убор, точно неизвестно¹⁶.

На этот счет имеется несколько версий. Возможно, что он ведет свое происхождение от масок, которые надевали крестьянские девушки во время полевых работ, чтобы защититься от солнца и от насекомых. По другой версии, этот головной убор был заимствован из пьесы Кабуки, очень популярной в первые годы правления Мэйдзи в Токио. Некоторые этнографы объясняют появление этого головного убора следующей легендой. В средние века в сражении был убит один феодал. Его вассалы стали бродячими самураями, закрывавшими свои лица от людских взоров, то ли потому, что они печалились, вспоминая своего хозяина, то ли потому, что стыдились своего нынешнего положения. Известный в Японии писатель и драматург Ходзё Хидэси, которому довелось присутствовать на представлении танцев бон-одори в Нисимонаи, рассказывает еще одну версию, которую ему поведали местные старожилы. Считается, что закрыв лицо черным покрывалом, танцующие как бы перевоплощаются в души умерших предков¹⁷. Возможно, именно поэтому танец здесь называют также *модзя-одори* («танец духов умерших»). И действительно, фигуры танцующих под черными покрывалами производят мистическое впечатление, как будто танцуют духи, а не люди.

На головах танцующих можно видеть и соломенные шляпы, отдаленно напоминающие шалаш — *ториоигаса* (дословно — «зонтик для изгнания птиц»). Их нахлобучивают глубоко на лоб, так чтобы лица почти не было видно.

Во время праздника на улицах, по которым проходит праздничное танцевальное шествие, перекрывают движение. На домах или столбах развешивают гирлянды фонарей, которые вечером зажигают. Посредине улиц раскладывают костры *кагариби* («сигнальный огонь»). Процессия, разделенная на две шеренги, очень медленно движется по обе стороны костров. В этом танцевальном шествии принимает участие примерно 200 человек. Тротуары запружены зрителями. Праздник открывают танцы детей. Они длятся с 7 до 9 часов вечера, затем наступает черед взрослых. Танцующие движутся очень медленно: за час они проходят не более 10 метров. Создается впечатление, что они стоят на месте, лишь мягко переступая вперед и назад. В этом танце очень важную роль играют руки, особенно движения ладоней, которые напоминают взмахи крыла птицы. Большое внимание уделяется также осанке.

Танцы сопровождаются игрой оркестра и пением. Оркестранты располагаются на *даси* (колесницах), которые своей формой напоминают четырехугольники. Как правило, они двухэтажные. Оркестр состоит из больших и малых барабанов, флейт, гонгов, колокольчиков, *сями-сэнов* (национальный струнный инструмент). Для Нисимонаи бон-одори истари существует специальный набор музыки и песен. Праздник оставляет ощущение яркого эмоционального действия.

¹⁵ Нисимонаи бон-одори-но кироку (Запись танцев бон в г. Нисимонаи). Уго, 1983. С. 13–14.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ Майнити симбун. 22.09.1985.

Разновидностью бон-одори являются *ава-одори*, танцы Бон, родившиеся в местечке Ава в префектуре Токусима (о-ва Сикоку). Сейчас это один из видов художественной самодеятельности. Существуют фольклорные ансамбли ава-одори, которые показывают свое искусство в различных районах страны. Эти танцы весьма сложны, и их исполнителям приходится довольно долго тренироваться.

По своему характеру ава-одори — танец шуточный. В эпоху Эдо его называли танцем сумасшедших, настолько безудержно танцевали его исполнители. Эта атмосфера довольно своеобразно передается японским афоризмом «одору ахо-ни миру ахо», что означает: «идиоты смотрят на танцующих идиотов»¹⁸.

Исполнители ава-одори разделены на несколько групп. Танцующие шеренгами движутся по улицам, украшенным фонарями, как и в Нисимонаи. Головные уборы по форме напоминают торииогаса, но надеты таким образом, что лица не закрывают. Одежда танцующих национальная. Закончив танец в одном месте, исполнители идут в другое.

Бон со всеми его обычаями и обрядами — неотъемлемая часть японской культуры — имеет богатую традицию. Он зафиксирован не только в официальных хрониках как государственных, так и храмовых, но нашел отражение и в очень многих произведениях японской классической и современной литературы, рассказах путешественников, ученых, писателей, дипломатов, посещавших страну в разные периоды. Компоненты праздника привлекают внимание искусствоведов, этнографов, специалистов по фольклору. В связи с этим появилось значительное число различных записей его обрядов и ритуалов, как, например, вышеописанные бон-одори в Нисимонаи. Эти записи являются важным источником для изучения традиций Дня поминовения усопших у японцев.

Устойчивость праздника можно объяснить тем, что в нем отразились не только мифологическое сознание народа, но и традиции общественного уклада, семейно-бытовых отношений, психологии, морали. Хотя обычай поминовения усопших связан с буддизмом и имеет истоки в индийских легендах, в Японии он совершенно преобразился, в него вошли компоненты, с буддизмом никак не связанные: некоторая карнавальность, свободная любовь, снятие границ жизни и смерти, сакрального и профанного, культ огня, карнавальная анонимность (маски) и всякие очень архаичные моменты (поминальные фонари и ихай, курения и факелы и пр.).

Наполненность Бон праздничной атрибутикой, карнавальными элементами, танцами и представлениями на протяжении веков отодвинула мотивы скорби и печали и фактически привела к утрате религиозного содержания. В результате этого Бон превратился в истинно народный праздник, который живет в сознании японца как часть его духовной жизни и мироощущения. Отдельные элементы Бон вошли в сокровищницу народного творчества.

Важное место в празднике Бон занимает и его социальный аспект, особенно сильно проявляющийся в настоящее время, когда идея *фурусато* — места рождения человека, его связи с прошлыми поколениями становится одним из главных направлений идеологического воздействия на японский народ со стороны правящих кругов.

¹⁸ The Japan Times Weekly. 11.08.84.